

© 2021. Ю. В. Лебедев
Костромской государственный университет
г. Кострома, Россия

**У истоков диалога эпических романов
в журнале «Русский вестник»
(И. С. Тургенев и Б. М. Маркевич)**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-00102*

Аннотация: В статье рассматривается возникновение личных и творческих связей И. С. Тургенева с Б. М. Маркевичем. Доказывается, что романы Маркевича и других членов «плеяды московских писателей», сотрудников «Русского вестника», создавались с установкой на художественную полемичность. Рассматриваются связи и противостояния в мировоззрении Тургенева и Маркевича, разделявшего идеологические установки М. Н. Каткова. Маркевич выступал за государственную целостность страны, в дополнение к тургеневским «нигилистам» и «лишним людям» он избирал в качестве литературных героев патриотически настроенных дворян. В романе «Типы прошлого», вышедшем в свет в «Русском вестнике» через четыре месяца после публикации романа «Дым», Маркевич противопоставил Ирине и Литвинову «добродетельную матрону» и «примерных граждан». Маркевич полемизирует с тургеневским культом любви как стихийной страсти, отстаивая православно-христианские ценности. Отзыв Тургенева на этот роман затерян, но по ответному письму Маркевича видно, что Тургенев подверг его суровой критике. В романе «Новь» в лице Нежданова Тургенев дал полемический ответ Маркевичу, по-своему разрешив этот конфликт в пользу политических убеждений героя.

Ключевые слова: прием «перепева», диалоги художественных миров, мировоззренческие сближения, идейные противостояния, сепаратизм, государственная целостность, нигилизм, «низы» и «верхи» общества.

Информация об авторе: Юрий Владимирович Лебедев, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Костромской государственный университет, ул. Дзержинского, д. 17, 156005 г. Кострома, Россия.

E-mail: y.v.lebedev@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 26.04.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 19.07.2021

Дата публикации статьи: 30.09.2021

Для цитирования: Лебедев Ю. В. У истоков диалога эпических романов в журнале «Русский вестник» (И. С. Тургенев и Б. М. Маркевич) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 3. С. 22–51. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-22-51>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 3, 2021, pp. 22–51. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 3, 2021, pp. 22–51. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Yuriy V. Lebedev
Kostroma State University
Kostroma, Russia

At the Origins of the Dialogue of Epic Novels in the Journal *Russian Bulletin* (I. S. Turgenev and B. M. Markevich)

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-012-00102.

Abstract: The article examines the emergence of personal and then creative ties between I. S. Turgenev and B. M. Markevich. It is proved that the novels of Markevich and other members of the “constellation of Moscow writers”, employees of the *Russian Bulletin*, were created with an attitude towards artistic polemic. The article examines connections and confrontations in the worldview of Turgenev and Markevich, who shared the ideological guidelines of the editor of the “Russian Bulletin” M. N. Katkov. Markevich advocated the state integrity of the country, in addition to Turgenev’s “nihilists” and “superfluous people”, he chose patriotic nobles as literary heroes. In the novel *Types of the Past*, published in the *Russian Bulletin* four months after the publication of the novel *Smoke*, Markevich contrasted Irina and Litvinov with “a virtuous matron” and “exemplary citizens”. Markevich argues with Turgenev’s cult of love as a spontaneous passion, defending Orthodox Christian values. Turgenev’s response to this novel is lost, but Markevich’s reply letter shows that Turgenev subjected him to severe criticism. In the novel *Virgin Soil* in the person of Nezhdanov, Turgenev gave a polemical answer to Markevich, resolving this conflict in his own way in favor of the hero’s political convictions.

Keywords: reception of “rehash”, dialogues of artistic worlds, worldview convergence, ideological confrontation, separatism, state integrity, nihilism, “lower classes” and “upper classes” of society.

Information about the author: Yuriy V. Lebedev, DSc in Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Kostroma State University, Dzerzhinsky St. 17, 156005 Kostroma, Russia.

E-mail: y.v.lebedev@yandex.ru

Received: April 26, 2021

Approved after reviewing: July 19, 2021

Published: September 30, 2021

For citation: Lebedev, Yu. V. “At the Origins of the Dialogue of Epic Novels in the Journal *Russian Bulletin* (I. S. Turgenev and B. M. Markevich).” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 3, 2021, pp. 22–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-22-51>

Б. М. Маркевич вместе с В. Г. Авсеенко, графом Е. А. Салиасом, Д. В. Аверкиевым, К. Ф. Головиным-Орловским принадлежал к «молодой плеяде московских писателей», которых М. Н. Катков специально привлекал к сотрудничеству в журнале «Русский вестник». Их романы вступали в диалог с произведениями И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова и других писателей первого ряда, публиковавшихся в этом журнале.

Э. Г. Гайнцева считала, что «притяжение “плеяды” к этим писателям выражалось, прежде всего, в откровенном и грубом подражании, в прямых заимствованиях <...> композиционных, образных и стилистических форм». «Творческая позиция писателей “плеяды” — позиция эпигонов, обреченных вечно носить одежды с чужого плеча», «эклетицизм определяет характерные приметы их творчества — компилятивность, цитатность, стилистическую пестроту» [Гайнцева: 146–149].

Исследовательница подмечала характерные особенности прозы этих писателей, но, как нам кажется, давала им слишком неадекватную оценку. Дело в том, что романы Маркевича и других членов «плеяды» как раз и создавались с установкой на художественную полемику, которая не связана ни с эпигонством, ни с компилятивностью. Подключаясь эстетически к художественным мирам Тургенева или Толстого, эти писатели вносили с помощью «перепевов» свои штрихи в их осмысление, в чем-то обогащая, в чем-то полемически трансформируя чуждые им художественные миры. Как справедливо отмечает В. Г. Андреева, «в 1860–1880-е годы между русскими романистами разворачивается уникальный полилог, репликами которого являются художественные произведения (романы)...» [Андреева: 382].

Начало спора Маркевича с Тургеневым связано с публикацией в «Русском вестнике» (1867, № 3) романа «Дым». Через четыре месяца в № 8–12 этого журнала появляется полемический по отношению к «Дыму» роман Маркевича «Типы прошлого», подписанный псевдони-

мом «Б. Лесницкий». Предыстория этой полемики заслуживает особого внимания.

1

История дружеских и творческих связей Тургенева с Маркевичем достаточно противоречива и драматична. Летом 1862 г. из Лондона в Петербург отправился П. А. Ветошников с большим количеством нелегальных изданий и писем, адресованных Герценом, Бакуниным, Огаревым и В. И. Кельсиевым друзьям-единомышленникам в России. На границе Ветошникова арестовали, и в руках III отделения оказались письма Бакунина, в которых упоминалось имя Тургенева, обещавшего Бакунину денежную помощь. В других письмах и инструкциях Тургенев представал как близкий и доверенный Герцену человек, через которого поддерживались связи «лондонских эмигрантов» с Россией и черпались сведения для обличения правительственных верхов в «Колоколе». Дело принимало неприятный для Тургенева оборот. 22 января 1863 г. ему вручили официальный вызов в Петербург.

Тургенев был в смятении, не зная, что предпринять. «Вызывать меня теперь (в Сенат), после “Отцов и детей”, после бранчивых статей молодого поколения, именно теперь, когда я окончательно — чуть не публично — разошелся с лондонскими изгнанниками, т. е. с их образом мыслей — это совершенно непонятный факт», — писал он П. В. Анненкову [Тургенев 18: 82–83]. Тургенев отправил личное письмо Александру II с просьбой выслать «допросные пункты» за границу. Он вызвал к себе брата Николая, чтобы договориться с ним о своих имущественных делах на случай возможной конфискации имения.

Одновременно Тургенев обратился с просьбой о помощи к А. К. Толстому и Б. М. Маркевичу, которые были тесно связаны с императорским двором. Толстой с детских лет был другом императора, а Маркевич входил в ближайшее окружение императрицы Марии Александровны. В начале 1863 г. Толстой вместе с семейством Маркевича находился в Германии. 3 апреля состоялось его венчание с Софьей Андреевной Миллер в православной церкви Дрездена.

Завязалась переписка. 9 (18) февраля 1863 г. Тургенев сообщал Маркевичу:

Я не мог вам ответить тотчас же, мой дорогой друг, так как только вчера вернулся в Париж — из маленького путешествия в Брюссель. Позвольте мне сказать вам, прежде всего, насколько ваше письмо, такое теплое и дружеское, меня тронуло. Обычно нам протягивают руку отнюдь не тогда, когда на нас обрушивается несчастье; а вы сделали это с таким великодушием и искренностью, что я могу только сказать вам: благодарю — от глубины сердца.

Я употребил слово: несчастье; надо бы сказать: кирпич, так как то, что случилось со мною, так же глупо и неожиданно, как кирпич, свалившийся на голову. Обвинять меня в сговоре с Герценом в связи с изданием моего последнего романа и посреди оскорблений, которыми осыпает меня партия красных, — это нечто столь чудовищное, что самая эта чудовищность сообщает ему некое правдоподобие. «Должно быть, под этим что-нибудь скрывается, — скажут любопытные, — иначе бы не решились на такую меру». Думаю, не стоит вам и говорить, что под этим нет ничего, совершенно ничего. Я отсюда слышу неудержимый смех Герцена, которого я не видел с мая и с которым мы в начале этой зимы обменялись пятью или шестью письмами, приведшими к окончательному разрыву, потому что наши убеждения никогда не сходились. Я старый либерал, но я также и старый монархист, между тем как он — вы знаете, что он такое.

Вы меня спрашиваете, какое впечатление на меня все это производит: я этим огорчен, но, смею утверждать без ложной гордости, больше за правительство, чем за себя. Если бы дело шло о том, чтобы предстать перед настоящим судом, я бы немедленно явился; но я мало доверяю правосудию нашего Сената — и притом, кто может поручиться, что даже умеренные мнения не будут наказаны? Подвергнуться предварительному заключению, чтобы затем два или три года прозябать в глухой провинции? Я слишком стар для этого. По совету нашего посла, г-на Будберга, я написал письмо государю: я умоляю его приказать выслать мне «допросные пункты» — так, кажется, принято их называть — и клянусь честью ответить с совершеннейшей искренностью на каждый вопрос; теперь я ожидаю. Должен прибавить, что г-н Будберг держал себя в этом случае превосходно: он сам написал Долгорукову и т. д.

Скажите Толстому, что я получил его письмо и отвечу ему завтра же: он может поступить с моим письмом так, как сочтет нужным. Вы забыли надписать ваш адрес — пишу на адрес Толстого (кстати, я так и не получил другого вашего письма, о котором вы говорите). Передайте мой почтитель-

ный привет г-же Маркевич и примите, вместе с пожеланиями скорейшего выздоровления вашему ребенку, уверение в признательности и неизменной дружбе. И. Тургенев [Тургенев 18: 417–418].

Сохранилось ответное письмо Маркевича Тургеневу из Дрездена 21 февраля 1863 г., которое в советский период было принято не цитировать, так как в нем содержалось подробное описание чтения Маркевичем «Отцов и детей» императрице Марии Александровне и государю Александру II. Факты интересные. Поэтому мы приведем это письмо целиком:

Я, право, не знаю — имею ли я право принять благодарность от Вас, милый и добрый друг мой Тургенев. В чувстве моем к Вам гораздо более эгоизма, нежели сколько это кажется с первого раза. Если бы Вы были просто отличный человек, это чувство, вероятно, было бы бескорыстнее, но Вы мне, кроме того, еще дороги всем тем, чем был, например, Пушкин дорог друзьям своим, и поэтому в этом случае я и сам не знаю, что более тянет меня к Вам, — сердце ли мое или моя эпикурейская натура, благодарная за столько доставленных ей наслаждений. Не прогневайтесь, человек даровитый в этом случае, как богач, не имеет права рассчитывать на совершенно бескорыстные к нему привязанности.

Но шутки в сторону, я до сих пор не могу прийти в себя после того оглушительного удара, после письма отца Жемчужникова, которое принесло нам первое известие о предании Вас суду «за намерения произвести переворот в государстве».

Боже мой! Что за неелепости они делают там. Вот уже можно сказать, что нет хуже врагов, как сами они себе. Вчера утром Толстой принес мне прочесть Ваше письмо к нему; но за час перед этим я отправил пространное письмо к M-me Rahden¹, включив туда же и Ваше письмо ко мне. Логичный вывод из факта Вашего обвинения так ясен, что в письме моем к ней я говорю почти буквально то, что говорится в Вашем письме к Толстому. Между прочим, следующее:² «Предположив, что Тургенев явится в Пе-

¹ К. П. Победоносцев, хорошо знавший великую княгиню Елену Павловну и ее гофмейстерину Эдиту Феодоровну Раден, отмечал, что благодаря этим женщинам Михайловский дворец сделался средоточием культурного общества в Петербурге, центром интеллектуального его развития.

² Закавыченный далее французский текст обращения Маркевича к M-me Rahden мы даем в переводе на русский язык.

тербург, очевидно, не пожелает, надо думать, если не брать середины, что он будет приговорен к ссылке. При такой постановке отдает ли себе отчет правительство в дилемме, которая разворачивается перед ним в этом случае: или Тургенев человек мстительный и перейдет в ряды ожесточенных врагов правительства и тогда он будет гораздо опаснее самого Герцена, или же (что представляется весьма возможным для тех, кто знает Тургенева) он не отступит ни на пядь от своих принципов умеренности и от своих убеждений либеральных, но все же монархических, как он мне сказал, и в таком случае позиция правительства не окажется ли нелепой лицом к лицу с произведениями, на которых запечатлелся этот дух ума и сдержанности далекого изгнанника, осужденного как анархист и революционер?»

Я умоляю M-me Rahden показать Ваше письмо, да и мое тоже, великой княгине Елене Павловне. Она умнее всех их там и лучше всех может понять, в какой мере правительство *sich furchtbar blamirt hat*¹, как говорят немцы. Тупоумие, юридическое невежество, неведение того, что у нас делается под носом, никогда так сильно, так колоссально глупо не изобличали себя, как в этом деле. Ненавидя нигилизм и красную пропаганду, мне в особенности больно за тот триумф, которым увенчиваются они при сей верной оказии. Сколько людей (я это тоже пишу M-me Rahden), которых «Отцы и дети» заставили оглянуться в недоумении и усомниться в правде крайних убеждений, вернуться к ним опять и возненавидят с возобновленной силой. Все это, особенно за границей, далеко от места действия, где все-таки, думалось, можно было бы самому что-нибудь сделать, растолкать равнодушных, направить неумелых, зайти в кулисы всей этой гнусной шутки — все это страшно меня волнует и мучит. Все это представляется мне одной из тех пагубных свалок, когда ночью в паническом страхе воины одного лагеря режут друг друга, не распознавши себя в темноте. Я, признаюсь Вам откровенно, очень жалею императрицу, к которой *питаю* весьма благодарное чувство, как за себя лично, так и за те честные благородные убеждения в ней, которые я имел случай заметить именно при чтении моем ей и государю «Отцов и детей» в прошлом году, Вы не получили моего письма, в котором я подробно говорил об этом, и я объясняю себе это тем, что письмо это я отправил Вам с означением, сколько помнится, номера дома Вашего неверно, и притом перед отъездом моим в деревню в мае, т. е. почти в то же время, когда Вы были в России, как я узнал потом.

---

¹ Страшно себя скомпрометировало (нем.).

Дело в том, что императрица (у которой нет той *force d'imitation*¹, которую отличается Елена Павловна, но зато гораздо более артистического и *сердечного* понимания) – императрица наслаждалась «Отцами и детьми», как наслаждался я сам (*et c'est beaucoup dire`a mon avis*², без самохвальства). Чтение продолжалось целых восемь часов, она два раза отказывалась от концертов, в которых присутствие ее было объявлено, чтоб между чтением не было слишком длинных промежутков. Никакая тонкость, никакой намек, что меня даже удивило, не прошли не замеченными ею. О привычках внезапной глухоты ради важности русских сановников она заставляла меня повторять еще раз для себя, а другой еще раз для государя, причем оба хохотали от души. Мальцова³ тут присутствовавшая, хотела было, в видах внешнего благочестия, уязвить П. П. Кирсанова за отношение к Феничке, но императрица объявила, что в слабости его так много нежности, что она чувствует к нему полную симпатию. Все это я передаю Вам словами, которые не в силах передать того хорошего, честного настроения, в котором я видел эту женщину, ту, скажу ли, теплую благодарность, которая, для меня очевидно, просвечивала в ней к писателю, в убеждениях которого она могла до этих пор сомневаться, но который в эту минуту являлся ей красноречивым представителем ее собственных задушевных убеждений. В этом тоне, теплом и искреннем, просила она передать Вам ее благодарность. Мне в эту минуту, я помню, вспомнилось о Барнове⁴.

Из этого Вы можете заключить, какое именно впечатление она произвела на меня. Скажу Вам лучше. Государь, обыкновенно не только равнодушный, но чуть не враждебный всем этим «чтениям», играл со своими приближенными в той же комнате, где читали «Отцы и дети». Чем далее подвигалось чтение, тем ближе подвигался его картонный стол к круглому столу, за которым мы сидели за книгой, — и наконец, в самые последние вечера генералы его играли одни, а он сидел за нашим столом, слушал, смеялся и сочувствовал старикам Базаровым вместе с нами. Я с удовольствием

---

¹ Силы подражательности (*франц.*).

² А это, на мой взгляд, много значит (*франц.*).

³ Мальцова Анастасия Николаевна — тщица великой княгини Елены Павловны.

⁴ Барнов (Барнав) Пьер Антуан (1761–1793) — деятель Великой французской революции, член Национального собрания, выдающийся оратор. Якобинцы обвинили его, сторонника конституционной монархии, в роялизме и гильотинировали.

вспоминаю об этих чтениях: я Вашими устами говорил им: «Вы видите, что Русская мысль вам не враждебна с той минуты, как вы перестали гнать и давить ее; вы видите, что эта мысль плодотворнее всех ваших административных распоряжков, и что честный и независимый Русский писатель служит вам лучше всех ваших Генералов». Не знаю, понял ли он эти не выговоренные речи, но она, видимо, всем сердцем понимала их, и этого я никогда не забуду. Мне поэтому истинно больно думать, что эта отличная женщина может предполагать теперь, что Тургенев враг ее, враг государства, что она может опять заподозрить Русскую мысль, Русскую свободу.

Но я всё еще не верю в *серьезность* всей этой истории. Much ado about noting¹, вот что, я уверен, выйдет из всего этого. Они должны одуматься, но, как пишу я M-me Rahden, идя по строгому логическому пути, вся мыслящая Россия, понимающая лучше тупых подлецов Правительства всю нелепость обвинений Тургенева, но, принимая эти основные выводы, не имеет ли полного права предполагать, что все остальные лица, обвиненные вместе с Тургеневым, точно так же виноваты, как и он, в «намерении произвести переворот в государстве»? Какое же может быть после этого доверие к Правительству? Вот уж можно при этом вспомнить известное изречение: спаси меня, Господи, от друзей моих!

До свидания, добрый друг мой. Вооружайтесь терпением в виду этой «последней тучи рассеянной бури». Она должна пройти, не задевая Вас, — или Герцен будет прав, обвиняя Россию в несостоятельности.

Обнимаю Вас крепко, как люблю. Б. Маркевич» [И. С. Тургенев. Из неизданной переписки: 290–293].

Вскоре в Париж пришли «допросные пункты», Тургенев ответил на них и несколько успокоился. Однако Сенат не удовлетворился ответами, и вызов в Россию был повторен. Поскольку Тургенев довольно долго откладывал поездку под предлогом болезни, в Петербурге распространился слух, что писатель испугался судебной ответственности и решил остаться в эмиграции. Сочувствующие пострадавшим по этому делу люди упрекали Тургенева в том, что он своей неявкой отягощает положение других обвиняемых. Писатель оказался, таким образом, в весьма щекотливой ситуации как справа, со стороны правительственных верхов, так и слева, со стороны радикальной части русского общества. Пришлось ехать в Россию. Заступничество Б. М. Маркевича и

---

¹ Много шуму из ничего (лат.).

А. К. Толстого возымело силу. Судьи в Сенате удовольствовались тем, что вручили Тургеневу досье его дела и указали страницы, на которых упоминалось его имя, предложив дать письменные разъяснения.

2

Хотя в письмах и Тургенев, и Маркевич подчеркивали глубокие дружеские чувства, в действительности между ними существовали противоречия, которые привели в 1870-е гг. к полному разрыву. У Маркевича нигилизм вызывал резко отрицательную реакцию. В письме к Тургеневу он говорит, что «ненавидит нигилизм и красную пропаганду», тогда как автор «Отцов и детей» испытывал по отношению к Базарову очевидное сочувствие. Маркевич знает, как оценил М. Н. Катков рукопись этого романа: «Если и не в апофеозу возведен Базаров, — писал он Тургеневу, — то нельзя не сознаться, что он как-то случайно попал на очень высокий пьедестал. Он действительно подавляет всё окружающее. Всё перед ним или ветошь, или слабо и зелено. Такого ли впечатления нужно было желать? В повести чувствуется, что автор хотел характеризовать начало, мало ему сочувственное, но как будто колебался в выборе тона и бессознательно покорился ему. Чувствуется что-то несвободное в отношениях автора к герою повести, какая-то неловкость и принужденность. Автор перед ним как будто теряется, и не любит, а еще пуще боится его [Тургенев: 14: 104].

Да и сам Тургенев признавался в симпатии к Базарову. В письме к А. И. Герцену от 16 (28) апреля 1862 г. он писал: «Милый Александр Иванович. Немедленно отвечаю на твое письмо — не для того, чтобы защищаться, а чтобы благодарить тебя — и в то же время заявить, что при сочинении Базарова я не только не сердился на него, но чувствовал к нему “влечение, род недуга”, — так что Катков на первых порах ужаснулся и увидел в нем апофеозу “Современника” и вследствие этого уговорил меня выбросить немало смягчающих черт, в чем я раскаиваюсь. Еще бы он не подавил собою “человека с душистыми усами” и других! Это торжество демократизма над аристократией. Положа руку на сердце, я не чувствую себя виновным перед Базаровым и не мог приписать ему ненужной сладости. Если его не полюбят, как он есть, со всем его безобразием — значит я виноват и не сумел сладить с избранным мною типом» [Тургенев 4: 382–383].

Неприятие нигилизма Катковым и Маркевичем было связано в первую очередь с их патриотическими убеждениями, оценка которых нуждается ныне в существенных коррективах. События реформы 1861 г. привели страну к глубокому кризису, зашаталась коренные основы государственного строя. «С одной стороны, говорили, что надо дать свободу всем угнетенным, в том числе и национальностям, ее добивающимся; с другой стороны, бродили мысли о необходимости расчленения России как слишком большого политического целого на подобие федеративного государства. Герцен благовестил эти мысли в своем “Колоколе” и они разносились с эффектом по Европе. Помимо польских патриотов появились, между прочим, еще украинофилы; в литературе промелькнуло учение о двух русских народностях и двух русских языках» [Неведенский: 164].

Возникла реальная угроза распада страны. Достоевский писал в романе «Бесы», что на либеральных сходках уже всерьез заговорили тогда «об уничтожении цензуры и буквы ъ, о замене русских букв латинскими, <...> о полезности раздробления России по народностям с вольною федеративною связью, об уничтожении армии и флота, о восстановлении Польши по Днепр...» [Достоевский 10: 22].

Первым симптомом начавшегося кризиса русской государственности стало Польское восстание 1863 г., целью которого было воскрешение Великой Польши от Данцига до Одессы. Катков в статье «Отзывы и заметки. Польский вопрос», замечал, что поляку «недостаточно быть поляком; он хочет, чтоб и русский стал поляком или убрался за Уральский хребет. <...> Что не Польша, то татарство, то должно быть сослано в Сибирь, и на месте нынешней могущественной России должна стать могущественная Польша по Киев, по Смоленск, от Белого до Чёрного моря» [Катков 1863: 477].

О солидарности с восставшими поляками заявили открыто Герцен и Бакунин в Лондоне и значительная часть «нигилистов» в России. «19 февраля, в самый день восшествия на престол ныне царствующего императора и вместе в годовщину освобождения народа от крепостной зависимости», разбрасывалась в Москве прокламация со штемпелем *Земля и Воля*. Её авторы «от лица русского народа, зывали к нашим офицерам и солдатам в Польше» обратить оружие «против своего отечества» [Катков 1863: 479].

Восставших поляков поддержали почти все ведущие страны Запада. «Польская интрига царила в Европе. Пока русские войска сражались с мятежниками в равнинах Вислы и Немана, в Европе происходили многочисленные манифестации с выражением сочувствия полякам. Устраивались митинги, произносились пламенные речи, собирались подписи в пользу повстанцев. Пущены были в ход громкие фразы об угнетении слабого сильным и необходимости даровать политическую свободу и независимость поработенным, — фразы, которыми наши западноевропейские друзья маскировали свою затаенную ненависть к России и сочувствие ее врагам» [Неведенский: 171].

Маркевич заявлял в письме к А. К. Толстому: «Не надо забывать, что Европа нас ненавидит, но в то же время и боится нас, боится более всего того, чтоб мы не росли и не развивались, так как если мы будем сильны и цивилизованы, то слово наше будет законом для Европы. Поэтому мы должны остерегаться ее похвал — ей будут улыбаться только наши промахи — и не обращать внимания на ее порицания и проклятия, которые будут служить лишь доказательством того, что мы избрали верный путь, долженствующий привести нас к славному и счастливому будущему» [Письма: 98].

Признать за поляками и прибалтийскими немцами право политической автономии — это значило бы, по словам Маркевича, «признавать за этими национальностями право колонизировать и германизировать русских, латышей и финнов; это значило бы допускать зародыш будущих независимых государств, крайне враждебных России, которые, опираясь на туземные населения, онемеченные и ополяченные благодаря нашему рыцарскому великодушию, стали бы живой стеной между нами и Европой и отодвинули бы нас к Азии к вящему удовольствию французских и прочих газет, проповедующих крестовый поход против нашего варварства» [Письма: 112].

Друг Маркевича А. К. Толстой в этом вопросе занимал аналогичную, хотя и более сдержанную позицию. «Он прекрасно понимал, что “союз равных” возможен только как внесударственное образование и чреват утратой единства внутри империи, ее кризисом и распадом. Солидаризируясь с теми, кто стремился к русификаторству как конечной идеальной цели, он расходился с ними в отношении к методам достижения этой цели, подчеркивая, что нетерпеливость и силовая жесткость могут лишь повредить, ибо вызовут естественное противодействие» [Федоров: 136].

Патриотизм Каткова и его сторонников, писателей «московской плеяды», был «в высшей степени полезным для России в тяжелые минуты польского мятежа; под влиянием его слова пробудился в народе и в интеллигентной среде взрыв патриотического негодования против врагов России, столь необходимый для поддержки правительства в виду надвигавшейся опасности» [Неведенский: V].

Как русский патриот, Маркевич подвергал суровой критике позицию «цивилизованного» Запада не только к России, но и к православно-христианским народам Греции, Сербии и Болгарии. Обращаясь к А. К. Толстому, разделявшему западнические убеждения, Маркевич писал: «Вы, несмотря на то, что подсказывает вам ваше сердце, ищите для них извинения во имя той же западной цивилизации — не так ли? Я же, дорогой друг, с гордостью принимаю это прозвище татарина, с презрением брошенное нам просвещенным западом, и проклинаю того из моих предков, который, ослепленный фальшивым блеском этой цивилизации, отрекся от своего восточного варварства, чтобы стать поляком или католиком, т. е. сознательным палачом христиан, на жалованье у турок. Я счастлив сознанием, что я русский в душе, то есть принадлежу сердцем к единственной нации, с негодованием протестующей против отвратительного образа действий просвещенной Европы относительно греков и славян на востоке» [8, с. 138].

Автор исследования «Русский роман и русское общество» К. Головин убедительно говорил о позитивной основе программы Каткова и его соратников: «Прямого сочувствия к крепостному праву и канцелярскому суду, конечно, ими не высказывалось, но в ослаблении власти, в расшатывании общественной иерархии, в чересчур широком применении выборного начала усматривался источник умственной и политической смуты, охватившей Россию. Дерзкая критика нашего государственного строя, громко провозглашаемая благодаря уступчивости и попустительству свыше, отрицание начал, на которых выросло русское государство, то есть православной веры, самодержавия и народности, и, в связи с этим, коварная польская смута, — вот непреременная, почти казенная тема большинства романов и повестей этой школы» [Головин: 368].

В романе Маркевича «Марина из Алого Рога» (1873) княгиня Солнцева говорит, «что настоящие на Руси нигилисты — это мы, сливки, наше общество, наш Петербургский *монд...*» [Маркевич 1873: 202].

Ей вторит князь Пужбольский: «Наши Базаровы давно перестали лягушек резать наполовину сидят теперь в звездах толстых эполетах... <...> И вы себе представьте теперь, как легко независимому мнению выступать с ними в бой, на публичную арену!.. С одной стороны — Базаров в звездах, который, если посмеешь сомневаться в его благонадежности, потребует, чтобы тебе административным порядком глотку *зжимали*; с другой — вся орда Базаровых без звезд, которая во все водосточные трубы свои начинает *поливать гражданские слезы* и во все свои вороньи горла каркать, что ты мерзотнейший *обскурант, враг реформ...*» [Маркевич 1873: 227–228].

Маркевич солидарен с Достоевским, который в романе «Бесы» (1871–1872) показал союз губернатора Лембке и его супруги Юлии Михайловны с нигилистом Петром Верховенским. Этот союз изображался в романе как явление естественное и распространенное. Консервативная дворянская верхушка и бюрократическая администрация смотрели на Россию с позиций, близких к нигилистическим. Крайние «западники», они разделяли германо-романские воззрения, согласно которым православные славяне относятся к числу «пассивных», «женственных» наций, обязанных немцам культурой и цивилизацией.

Именно критическое отношение к современному чиновничеству и правительственной бюрократии сближало Маркевича с Тургеневым и Достоевским. Но либеральное западничество Тургенева, наиболее радикально проявившееся в романе «Дым», а также его сдержанное сочувствие к «нигилистам» шестидесятникам и к «народникам» семидесятникам вызывало у Маркевича и писателей его круга резкое неприятие.

Маркевич критически относился и к славянофилам, которые искали опору русской государственности в православном народе и крестьянской общине. Вслед за Катковым Маркевич видел эту опору не в широких слоях русского православного крестьянства, а в союзе патристически настроенных дворян. «Его заветной мечтой было положить в основании обновлявшегося строя русской жизни твердый и способный к самоуправлению класс землевладельцев наподобие английского джентри» [Неведенский: 116]. Именно такого положительного героя, бросающего вызов тургеневским «лишним людям» и радикальным «нигилистам», утверждал Маркевич в своих произведениях.

25 февраля 1867 г. Тургенев привез в Петербург рукопись романа «Дым». 26 и 27 февраля на его чтении были П. В. Анненков, В. П. Боткин, В. А. Соллогуб и Б. М. Маркевич. Чтение прошло с большим успехом. Обращаясь к Каткову, Маркевич так информировал главного редактора журнала: «Два дня не отрываясь прошли в слушании и чтении этой превосходной вещи, по мастерству и магистральности приемов лучшей изо всего, что было до сих пор написано Тургеневым <...> Отношения автора к своему предмету, к участвующим в драме лицам отличаются свободой и откровенностью, в которых чуялся сильный недостаток во многих вещах Тургенева» [Тургенев 9: 520].

Вероятно, под «магистральностью приемов» Маркевич имел в виду иронически сниженное освещение русских нигилистов в кружке Губарёва, действительно отличающееся не свойственной Тургеневу сатирической прямоотой. Принял Маркевич и обличительные страницы, посвященные описанию пикника генералов в Баден-Бадене. Вторая Тургеневу, он писал А. К. Толстому 21 декабря 1868 г.: «Хотя я по природе вовсе не склонен к пессимизму, но, судя по тому, как идут у нас дела, я сильно боюсь, чтобы “молодые генералы”, ныне нами правящие, не привели нас, всё под тем же предлогом противодействия нигилизму, обратно, к счастливым временам, когда кулинарное выражение “поставить на вольный дух” возбуждало подозрение в якобинстве» [Письма: 86].

Как принял рукопись «Дыма» Катков? «Новая беда, — писал Тургенев Полине Виардо после свидания с издателем «Русского вестника», — г. Катков создает такие большие затруднения моему злосчастному роману, что я начинаю сомневаться, можно ли будет опубликовать роман в его журнале. Г-н Катков во что бы то ни стало хочет сделать из Ирины добродетельную матрону, а из всех генералов и фигурирующих в моем романе прочих господ — примерных граждан; как видите, мы далеки от того, чтобы столковаться. Я сделал некоторые уступки, но сегодня кончил тем, что сказал: “Стоп!” Посмотрим, уступит ли он» [Письма: 410].

Катков уступил. Пришлось лишь сделать купюры в описании пикника генералов. Но «добродетельную матрону», Надежду Павловну Чемисарову, и «примерных граждан» в лице столбового дворянина Павла Васильевича Чемисарова и героя Крымской войны, моряка Владимира

Кемского читатель встретил на страницах «Русского вестника» сразу же вслед за «Дымом». Они воскресли и заявили о себе в романе Маркевича «Типы прошлого».

Первая часть этого романа напоминает столь любимые Тургеневым предыстории. Действие ее отнесено к 1849 г., ко времени разгрома кружка Петрашевцев и наступления правительственной реакции. «Разбейтесь силы, вы не нужны!» говорилось в одном, разумеется, не печатном, стихотворении той эпохи» [Маркевич 1867. 8: 522]. Речь тут шла о стихах И. С. Аксакова:

Пусть гибнет всё, к чему сурово
 Так долго дух готовлен был:
 Трудилась мысль, дерзало слово,
 В запасе много было сил...
 Слабейте силы! вы не нужны!
 Засни ты, дух! давно пора!
 Рассейтесь все, кто были дружны
 Во имя правды и добра! [Аксаков: 94].

В это смутное время на «ярмарку невест» съезжается в Москву русское провинциальное дворянство, прибывают столичные искатели, пленяют «красавиц своею ловкостью, звездами или вензелями и увозят их на берега Невы» [Маркевич 1867. 8: 523]. Привозит свою дочь в Москву и Павел Васильевич Чемисаров, потомственный дворянин. В эпоху смуты и междоусобицы его прадед собрал на свой счет рать и вместе с князем Пожарским освобождал Москву от поляков. Характер его полемичен по отношению к тургеневским Осининым, которые были тоже глубоко укоренены в русской истории, но «забеднял, “захудал” их род — не поднялся ни при Петре, ни при Екатерине и, всё мельчая и понижаясь, считал уже частных управляющих, начальников винных контор и квартальных надзирателей в числе своих членов» [Тургенев 9: 179].

Герой Маркевича, напротив, сохранил свое богатое поместье и свое дворянское достоинство. Воспитанник Чемисарова Кемский так характеризует его: «Скажу тебе одно на первый случай: человек он далеко не заурядный, и всё реже и реже попадаются такие в наше время. “Чемисаровы литые рождаются”, — сказал он мне однажды. И точно, он

какой-то литой с головы до ног. <...> Он в продолжение всей своей жизни ни разу не усомнился в том, что ему следовало делать, не уступил ничьему чужому мнению и не изменил однажды принятому им намерению, чего бы это ему ни стоило» [Маркевич 1867. 8: 535].

Каковы же идеалы этого дворянина? Они раскрываются в его споре с соседом, помещиком Грайворонским. Об этом споре рассказывает дочь Чемисарова в своем дневнике:

Сила, — перебил его снова батюшка. — У вас вот, например, пять тысяч душ, земли пол уезда, дом в имении — дворец, — а вы катите с вашей силой на поклон к генералу Карягину! Впрок пошла она вам! хвалю! <...> Поглядите-ка на остзейского барона, как он крепко сидит на своем риттерсгуте¹! Попробуйте ссадить его оттуда! Нет, он-то силу свою знает. Зато, спросите, кто к кому у них там забегает: они ли к Карягиным, или Карягины к ним? А у нас? Где она, сила-то ваша? В Петербурге — воду толчет, в передних случайных людей чинов себе вымаливает, в Москве — в карты, на безумные пиры разоряется. Про силу толкуете, — желчно повторил батюшка, — а того до сих пор не поняли, что она у вас под ногами, в той земле, на которой сидите вы... Сверху, наконец, указана вам ваша задача; или, полагаете, призывая к жизни поместное дворянство, великая государыня не знала, что делает? Да нет, где нам! — воскликнул он с глубокою горечью: — не по силам задача! Труд на то нужен, терпение, воля, скуку переносить, с серым мужиком возиться! Воспитать себя к тому нужно, человеком надо быть! Скажите прямо, много ли из нас вглубь себя прияло, что служить царю и земле плугом и бороной, хотя бы собственными руками, в тысячу крат честней и полезней, чем тешить свое презренное тщеславие, жертвуя ему всем: прямым долгом своим, честью, родовыми поместьями с отцовскими могилами, благом подвластных людей и, в конце концов, будущим своей страны... Потому недалеко уедешь там, где, куда ни обернешь, всюду чин, а гражданина — нигде!..» [Маркевич 1867. 11: 150–151].

Воспитанник Чемисарова Владимир Кемский, влюбленный в его дочь Надежду, — антипод Литвинова. Выпускник Царскосельского лицея, моряк, Кемский два года назад вернулся из кругосветного путешествия, провел шесть месяцев в родном для него гнезде, признался Наденьке в любви, но помолвка не состоялась. Неожиданно Кемский

---

¹ Риттерсгут — рыцарское поместье.

получил приказ явиться на службу, и вынужден был отправиться в очередное плавание.

Долг, любовь к отечеству, православная вера для него превыше всего. Вернувшись в Москву, он со своим лицейским другом едет к Кремлевским соборам.

Стой! — закричал Кемский, выскочил из саней, снял кивер и стал набожно креститься. — Год тому назад, в Охотском море, нас прибило штормом к берегу, <...> мы погибали. Три дня и три ночи, под страшным прибоем, стаскивались мы с мели. Ветер не утихал, мы потеряли всякую надежду. Матросы надели белые рубахи. Я утомился страшно, опустился у грот-мачты и заснул как убитый. И в это время мне приснился вот этот сон, — промолвил он, обводя кругом рукой, — Кремль с его святыней, и эта бесконечная даль, и в каждом доме этот огонек лампы перед семейными, старинными иконами... Я помню, я проснулся тогда весь в слезах; чудные, брат, сладкие были эти слезы! Мне не хотелось умирать, а в этом сне я почерпнул какую-то неодолимую надежду в наше спасение. И точно: на заре ветер переменялся против всякого чаяния. И вот, как видишь, я живу и... и счастлив, — повторил он опять. — Оторваться не хочется отсюда, — продолжал Кемский, облакачиваясь на решетку, — какая тишь, какая ширь кругом! И, не правда ли, кажется, что какое-то таинственное, от века жданное слово должно сейчас сказаться тебе от этого безмолвия и шири необъятной? Вся наша Русь родная сказалась в этой картине... [Маркевич 1867. 9: 531].

Спустя много лет рассказчик встречается с постаревшим, израненным Кемским в Баден-Бадене. Описание этого курортного города — полемический вызов Маркевича автору «Дыма». Рассказчика встречает здесь известный московский «западник» с говорящей фамилией Секкаторов. Этот дворянин отличается «своим тончайшим обращением» и «голосом, имевшим особенное свойство напоминать вам о том, что есть на свете сладкие вещества, в роде патоки и сдобного теста...» [Маркевич 1867. 9: 43]. Произношение Секкаторова — пародия на знаменитые тургеневские «пришепётывания». В письме от 27 февраля 1869 г. к А. К. Толстому Маркевич так имитирует их. Автор «Дыма» в его интерпретации говорит, что стих «Воеводы» Островского «тецёт как какой-то мягкий рупец и что зутко и сладко щекоцет его этот стих,

словно льётся ему в грудь эта бесконечная и сирокая русская волна...» [Письма: 102].

«Нельзя было ошибиться: эта мягкая речь, этот сдобный баритон могли принадлежать единственно просвещённому г. Секкаторову» [Маркевич 1867. 10: 480]. На вопрос, был ли он в деревне в момент эпохального события 19 февраля, Секкаторов отвечает: «Не был. Признаюсь, рвался в Европу. Вы согласитесь, что лучшего момента нельзя было выбрать, потому, согласитесь, до сих пор что мы были? Варвары, Скифы-рабы, на которых еще Геродот с презрением указывал пальцем. Ведь Скифы мы были, вы согласны? <...> А теперь мы можем с вами смело протянуть руку каждому иностранцу и сказать ему: “Любезный мой, не сердись, мы также сыны свободного народа; полно давить нас под исполинскую пятой твоей гражданственности!”» [Маркевич 1867. 10: 481].

Известно, что Тургенев не был в России в момент подписания Манифеста, за что получил упрек и порицания от многих друзей, даже от Герцена. Секкаторов — иронический отклик на тургеневского Потугина и на самого автора романа «Дым».

Но внимание Маркевича на этих пародийных страницах не задерживается. В центре повествования оказывается другое — диалог Кемского с повествователем. Обращаясь к нему, Кемский говорит:

«Помнишь, в наше последнее свидание в Москве ты мне как-то выразился — слова твои тогда врезались мне в память, — что мне завидовать можно, что для меня нашлось настоящее дело в жизни. Было оно действительно у меня, это дело, и нет его, сгинуло оно на веки веков. Были люди близкие, и никого нет, все там полегли... Остался я <...> одинок, никому не нужен... Пойми, каково это сказать себе: ты, милый мой, хоть выжми, ни на какую потребу негоден, ты лишний человек на этом свете!.. Ведь я в голову ядром контужен», — объяснил он, как бы извиняясь предо мной... <...> — «Ты своё сделал, тебе не в чём себя упрекать, — перебил я его. — Лишний человек, говоришь ты про себя. Послушали бы тебя те молодцы, — богато было ими наше поколение, надо признаться, — которые в этом гордость свою полагали, женские сердца покоряли именно тем, что лишние они... А ты где свою правую руку оставил?» — «Там, где бы с радостью и голову сложил! — живо воскликнул Кемский, и вдруг остановился, как бы устыдившись своего порыва. — Ты и не поймёшь, может быть, что значило для

нас, Черноморцев, отдавать его! — продолжал он уже спокойнее; — ты не суди о нас по тому, что тебе пришлось, может быть, почитать об иных защитниках Севастополя, о разных гвардейских моншерах и штабных молодчиках¹. Мы знали, за что стояли и что отстаивали; не из-за чинов же ведь, в самом деле, и аксельбантов полегло там всё, что у нас было лучшего!..»

Страстный моряк заговорил в Кемском. Он вспомнил о «незабвенном Михаиле Петровиче», о ненавистных Англичанах, «исконных врагах русской морской силы», о корвете, которым он, Кемский, командовал в день Синопского боя, о добродушном герое Нахимове, о слишком мало ведомых подвигах всей этой доблестной семьи людей, <...> для которых так дорога была честь России и о которых «новая Россия», как выражался Кемский, быть может, слишком скоро позабыла [Маркевич 1867. 10: 486–487].

Эти страницы полемичны по отношению к герою тургеневского романа Литвинову, который после разрыва с Ириной потолокся несколько времени без дела, без связей, почти без знакомых; потом дворяне его уезда, считавшие, что своя рубашка к телу ближе, «упекли» его в ополчение, там он «чуть не умер от тифа в Крыму, где, не видав ни одного “союзника”, простоял шесть месяцев в землянке на берегу Гнилого моря; потом послужил по выборам, конечно не без неприятностей, пристрастился к хозяйству» [Тургенев 9: 149].

В романе Маркевича «Перелом» таким тургеневским героям дается невысокая оценка: «Я сын своего века, а люди этого века все, как известно, бесхарактерны... Возьмите хоть все мужские типы у Тургенева <...> Все они в своем роде Гамлеты... или вернее даже Гамлетики...» [Маркевич 1884: 238]. Литвинов, конечно, оказывается в их числе.

Встреча Кемского со своей невестой Надеждой в Москве перекликается с аналогичной встречей Литвинова с Ириной. Маркевич сознательно проводит тут полемические перепевы. Красота их избранниц таит в себе какую-то загадку. Об Ирине Осининой сказано: «Поразительны, истинно поразительны были ее глаза, исчерна-серые, с зеленоватыми отливами, с поволокой <...> Странное выражение было у этих глаз: они как будто глядели, внимательно и задумчиво глядели

---

¹ Полемический намек на рассказ Л. Н. Толстого «Севастополь в мае», посвященный обличению тщеславия военной верхушки и штабных офицеров.

из какой-то неведомой глубины и дали» [Тургенев 9: 180]. «Литвинов рассыпался в восторженных похвалах. Но Ирина <...> глядела куда-то вдаль своими странными, словно потемневшими и расширенными глазами...» [Тургенев 9: 189]. Загадка этих глаз, устремленных вдаль, заключается в страстном желании героини вырваться из скудного московского быта около Собачьей площадки в столичную жизнь, приобщиться к миру великосветского общества.

Надежда Чемисарова, напротив, в дворянском кругу занимает высокое положение. Один из завсегдатаев бала говорит: «Эта, милый мой, не с родни моим степнушкам. Это, братец мой, Европа! Ты ее сейчас в Петербург, в Зимний дворец вези, так она и там сама себя отрекомендует» [Маркевич 1867. 8: 524]. И загадочные глаза героини Маркевича, в отличие от Ирины Осининой, устремлены далеко не в столичную даль, а в глубину ее смятенной души. Ее «безучастные и безнадежные глаза» скрывают какую-то горькую тайну. По словам рассказчика, «на душе у этой Изиды что-то неладно» [Маркевич 1867. 8: 525].

«Внезапное появление Кемского, казалось, оживило этот мрамор. Губы ее побагровели, легкий румянец проступил сквозь тонкую кожу лица. Даже глаза ее, эти немые глаза, казалось, хотели заговорить; но мне вообразилось почему-то, что если бы точно заговорили они, не радостью, а каким-то сокровенным смущением отвечал бы ее взгляд на живой, говорящий взгляд Кемского. Но загоравшаяся искра погасла, едва сверкнув; глаза ее остались так же равнодушны и безучастны» [Маркевич 1867. 8: 528].

Вспомним, что Катков советовал Тургеневу сделать из Ирины «добродетельную матрону». Тургенев отказался. И вот в романе Маркевича осуществилась прямая художественная реализация этого катковского совета. Какую же тайну берегут от любимого человека глаза героини Маркевича? Почему она отвечает своему жениху решительным отказом?

Дворянин Чемисаров, реализуя свой идеал, создает в имении с символическим названием Рай-Воздвиженское семью, объединяющую самые различные слои русского общества. Эта «малая семья» — прообраз будущей России. В нее входят не только властвующие дворяне, не только подвластные им крестьяне, но и демократические слои русского общества. К ним принадлежит, например, Кирилин, воспитанник Чемисарова — сын офицера, из однодворцев, старого

сослуживца Павла Васильевича. «Мальчик с ранних пор показывал необыкновенные способности к музыке. <...> Павел Васильевич, согласно его желанию, отправил его учиться музыке в Москву. Там он как-то поссорился с учителем, у которого жил, захотел поступить в университет, переехал в Петербург; потом бросил и принялся опять за музыку. В Рай-Воздвиженское он вернулся два года тому назад...» [Маркевич 1867. 9: 32].

Вернулся Кирилин сюда не по своей воле. Он говорит Наденьке: «Многие из друзей моих попали теперь в изгнание. И я сам, не знаю как здесь, а не за крепкими затворами, или не перестреливаюсь с Черкесами на Кавказе. Я должен был покинуть университет, погубил, может быть, всё мое будущее, если допустить, что оно могло быть у меня», — примолвил он с каким-то заносчивым смирением...» [Маркевич 1867. 10: 524]. Смирение его заносчиво, потому что спас воспитанника от кары его опекуна, его второй отец Павел Васильевич Чемисаров.

И вот новоявленный нигилист обращается к Надежде Павловне со своей обличительной проповедью. «Вам трудно понять меня, я знаю, — начал он опять. — Для вас радужным венцом сложилось всё, что дает цену и прелесть жизни! Весь этот безобразный порядок, тяготеющий над нами, он создан лишь для того, чтобы вам было хорошо жить... и, слава Богу, если бы только вам!..» — «О чем говорите вы, я вас не понимаю?» — спрашивала я с удивлением. — «Как о чем? — воскликнул он, и серые глаза его сделались вдруг черными. — Я говорю обо всем этом изгнившем здании давно отжитого феодального строя, который поддерживается разными искусственными подпорками, о бессмысленных предрассудках, о нелепых авторитетах, в силу которых исковерканы все естественные условия жизни, и человеку жить нельзя, если он случаем рождения не попал в известную, привилегированную клеточку, вне которой нет спасения. Вот о чем я говорю, барышня!» [Маркевич 1867. 10: 527].

Именно Кирилину-петрашевцу, предтече будущих «нигилистов» шестидесятых годов, суждено разрушить «воздвигнутую» Чемисаровым «райскую» идиллию и внести трагическую смуту в благочестивое русское семейство. Вернувшись в имение Чемисарова, он искушает Наденьку призраками европейской свободы. На соблазн он дает Наденьке роман Жорж Санд «Валентина». Юная девушка, воспитанная в православных традициях, вдруг чувствует при чтении этого романа

жгучую, преступную и соблазнительную власть бесконтрольной, стихийной страсти над ее грешной душой.

«Да и когда же до этого бывали в моих руках подобные книги! Необузданным языком говорила в них любовь, любовь, о какой я не слыхала до этой минуты, какая-то грозная, свирепая любовь, не признающая ничего, кроме одной себя, навязывающаяся как тиран и как тиран попирающая все то, чему до тех пор я верила, пред чем я, без борьбы, без сомнений, преклонялась с детства. Жгучие, околдовывающие страницы, они пробуждали во мне неведомые до тех пор и незаконные, — я это сознавала, я говорила это себе, — ощущения и помыслы... То леденела я под влиянием невольного и непонятного ужаса, то вся горела и замирала, и краска стыда покрывала мое лицо, и сердце билось, как должно биться оно, казалось мне, у преступника после совершенного им преступления... Но, бессильная уже противиться змеиному ее обаянию, я только лихорадочно жаждала дойти до конца книги, надеясь вырваться, наконец, из этого влекущего, но греховного, но мучительного мира...» [Маркевич 1867. 11: 168].

Заметим, что Кирилин искушает Наденьку созвучным Тургеневу взглядом на любовь как на безудержную страсть. Перед ее стихийной властью беззащитен как слабый, так и сильный человек. Своенравная, роковая, неуправляемая, любовь прихотливо распоряжается человеческой судьбой. Никому не дано предугадать, когда это чувство, как вихрь, налетит и подхватит человека на своих могучих крыльях и когда оно эти крылья сложит.

Кирилин, утверждая такой взгляд на любовь, не может понять поступка Кемского, который, повинувшись государственному долгу, вынужден был оставить на время свою невесту и отправиться в очередное плавание.

«Любит? — глаза Кирилина засверкали. — Любит и уехал отсюда?» И он злобно засмеялся. — «Он не мог, — сказала я, — его долг...» — «Не мог! Долг его! — повторил, прерывая меня, Кирилин. — Да позвольте вас спросить, что такое долг? Эластическая рамка, растяжимая до бесконечности или доводимая до ничтожества, по прихоти каждого, пышное слово без определенного содержания, смысл которого с сотворения мира и до наших времен изменялся миллионы раз и каждую единицей из числа миллионов,

населяющих вселенную, толкуется разно! И из-за этого слова, из-за этого призрачного понятия человек, который вас любит, говорите вы, решается расстаться с вами, покидает то, что должно быть ему дороже всего на свете!.. Нет-с, так не любят!» [Маркевич 1867. 11: 178].

Наденька попадает во власть далеких от ее христианской души страстных помыслов и порывов. «Какими же сетями опутал меня этот человек? Чем успел он зацепить за все мои живые струны и затянуть их в своей безжалостной руке?.. Боже мой! Неужели это любовь? — с ужасом подумала я. — Эта грызущая боль, этот мятежный строй мыслей и чувств, эта непрерывная, невыносимая тоска, — так это все называется любовью!..» [Маркевич 1867. 12: 616].

И вот итог этого соблазна. Наденька идет ночью на роковое свидание с обольстившим ее Кирилиным:

«Пора мне!..» Я закуталась в бурнус, погасила свечи... и вдруг вся обмерла от невыразимого ужаса: из киота, озарённый светом одинокой лампы, прямо глядел на меня строгий лик Божией Матери, и темные уста ее как будто шевелились, будто говорили: «Куда ты от меня в этот поздний час? Куда? Остановись!..» Я закрыла глаза и с протянутыми вперед руками кинулась в сени; ощупью, придерживаясь к стене, всё еще не смея раскрыть замкнутые глаза, спустилась я с лестницы [Маркевич 1867. 12: 625].

«Добродетельная матрона» пала, но кто из читателей дерзнет бросить в нее камень, учитывая горький финал ее жизни? Конечно, тут содержится явная полемика с Тургеневым о природе любви, о ее неизбывной власти над слабым человеком. Маркевич устами Наденьки вершит приговор тому культу любви, которым пропитаны многие произведения Тургенева:

Я очнулась, и, с сознанием моей гибели, моего неслыханного позора, закипело разом в душе моей чувство невыразимой ненависти к виновику его... — «О, бездушный, бессовестный человек! — не владея собой, дрожа от негодования, стыда и раскаяния, упрекала я его. — Каким адским обманом довели вы меня до этой пропасти! Я погибла, я пропала в этой жизни и в вечной, — понимаете ли вы, безбожный человек? Вы этой бездной отплатили мне за то, что я, как сестра родная, принимала участие

в вашей жалкой судьбе, за мои слезы, за мое заступничество, за то, что я с отцом... Отец мой, мой честный отец! Боже мой! Что будет с ним!.. И кто же? Вы! Вы, кого воспитал он как сына, вы обесчестили его дочь!.. Не другом, не братом вернулись вы в этот дом, которому вы всем обязаны, а лютым, заклятым врагом! Вы подругу вашего детства приговорили к вечному сраму, к безвыходной, к бесконечной муке!» [Маркевич 1867. 12: 629–630].

Оправдывает ли Надежда Чемисарова свою миссию «добродетельной матроны»? Кемский так вспоминает о последнем свидании с ней:

Да, я ее видел. После шести лет разлуки, когда все, казалось, должно было быть кончено между нами, — она так просила меня об этом тогда, — судьба опять свела нас... но где же, как? По целым дням не отходила она от моей постели, но для меня она была призрак... светлый призрак, — примолвил Кемский, подавляя вздох. — Я лежал в тифе, в госпитале, в том же Симферополе, где за несколько времени до этого умер ее отец. Странная болезнь, этот тиф! Я видел ее, я сознавал ее присутствие, но не сознавал ни моего положения, ни места, в котором я находился. Я жил какою-то своеобразною, необъяснимою, но полною и, поверишь ли, блаженною жизнью. Я понимал, что надо мной парит какой-то ангел в ее образе и хранит меня; глаза ее по часам не отрывались от меня, и я чувствовал, что я весь таю, таю как снег, под лучами этих грустно и ласково сиявших мне глаз. И никогда, может быть, не был я так счастлив, как в то время! Когда я выздоровел, одна старушка сердобольная, свидетельница ее забот обо мне, строго внушала мне всю жизнь мою молиться за «сестрицу». Оказалось, что я был окончательно приговорен и не умер только потому, что «она вымолила меня у Господа», как выражалась эта добрая старушка, заменившая ее у моей койки, когда слегла сама Наденька, и ее полумертвую, увезли из Крыма [Маркевич 1867. 10: 491–492].

4

Как откликнулся Тургенев на роман Маркевича? Какую оценку он ему дал? На этот счет до нас дошли очень приглушенные сведения. Многое потеряно. Сохранилось одно письмо Маркевича к Тургеневу, в котором он помогает своему «другу» опубликовать его повесть «Несчастливая» в очередном номере «Русского вестника». В этом письме

от 9 декабря 1868 г. Маркевич с какой-то вызывающей интонацией просит Тургенева прояснить его отзыв на роман «Типы прошлого»:

Искренне благодарю Вас за дружески откровенно выраженное Вами мнение о моем романе. Постараюсь последовать Вашим советам, если примусь опять за литературный труд. Хоть едва ли мыслимо выработать себе «оригинальную» физиономию, если по воле Провидения или, говоря более современно, по недостатку известной доли фосфора в мозгу, обречен походить на Петра или Павла, но я, по крайней мере, не буду так тщательно, как первый раз, стусевывать донельзя мою авторскую личность, — а старался я об этом потому, что боязнь навязывания этой личности моему читателю произвести на него такое же впечатление, какое производит на меня кадетски-наглая в невежестве своем фигура Льва Толстого, постоянно выталкивающая рыло из-за его дивно художественного, несознательного таланта. Глубоко сожалею, что не виделся с Вами, и Бог знает, когда и увижусь, — по мне бы очень хотелось попросить у Вас комментария на Ваши же слова. Что именно следует понимать под оригинальной личной физиономией автора: субъективность ли его в воспроизведении задуманных им характеров, или своеобразие его литературных приемов? Я это не совсем понимаю. А затем крепко жму Вашу руку, дорогой Иван Сергеевич, и остаюсь *immorto fide*¹ всегда Ваш Б. Маркевич [И. С. Тургенев. Из неизданной переписки: 295–296].

Сохранилось также недавно опубликованное письмо А. К. Толстого Маркевичу от 27 декабря 1869 г. из Красного Рога, в котором есть отклик на тургеневскую оценку романа:

Тургенев Вам пишет: «Читал с интересом». Он не должен был употребить это выражение, он должен был сказать: читал с участием или, по крайней мере, интересовался чтением. Он еще говорит: «недостаточно видна авторская физиономия». Я далеко не разделяю его мнение, моя жена тоже. Я, напротив, упрекаю Вас в том, что в первой части Вы слишком много показали Вашу физиономию, что Вы были недостаточно объективны, недостаток, который полностью искупается во второй части. <...> Ваш нигилист — лицо, которое живет и дышит, и его дуализм – отличный психологический этюд. Моя жена сама написала бы об этом, но она недоумает и

---

¹ бессмертно верный (*лат.*).

не спит по ночам. Я заключаю из Вашей переписки с Тургеневым, что Ваш роман вышел отдельной книгой, и я требую от Вас, чтобы Вы мне послали один экземпляр с собственноручной подписью. Я недавно его снова прочел в «Русском вестнике», но комплект не полный und habe mich ordentlich verärgert, что вдруг меня das Futter unter dem Maule weggezogen¹. Мне доставит большое удовольствие перечитать всё с начала до конца [Никё: 224].

Из этих писем очевидно отрицательное отношение Тургенева к роману. Именно «Типы прошлого» положили начало его разрыву и с Маркевичем, и с редакцией «Русского вестника». Но спор Тургенева с Маркевичем отнюдь не ограничился широко известным Ladislas'ом, которым он заклеил своего противника в романе «Новь».

В этой же «Нови», освещая противоречия в характере Нежданова, Тургенев дает свою оценку «нигилисту» Кирилину. Заметим, что Маркевич открывает в душе своего радикала отмеченное А. К. Толстым драматическое противоречие между художественной одаренностью и политическим темпераментом. Обращаясь к Наденьке, Кирилин говорит:

«Я не гожусь в аскеты: мне мало одной отвлеченной идеи человеческого блага, я не могу пожертвовать ей красотой, искусством, всею эстетическою стороною жизни. Я никак не могу признать, чтобы мне было всё равно жить в венецианском дворце, исписанном кистью Веронезе, или в грязном чулане на Песках, лишь бы сытым быть...» — «Разве этого от вас требуют?» — спросила я, всё более и более удивляясь. Он небрежно пожал плечами. — «Попадаютяся и такие! Они последовательны, — примолвил он, и, как бы против его желания, улыбка пренебрежения скользнула по его губам, — это всё более семинаристы, люди избитые, пришибленные с ранних лет, впроголодь помаячившие свое детство и юность; они потом всю жизнь свою не могут уже иначе мыслить, как чрез фокус желудка. <...> Меня, вопреки моему рассудку, моей воле, влекут краски, линии, звуки, весь этот блеск и цвет старого, сознательно осужденного мною строя жизни. Я не умею быть последовательным, как те люди. Я не могу ненавидеть вас, потому что вы барышня, аристократка...» [Маркевич 1867. 101: 160].

Тургенев подхватывает у Маркевича эту тему. В судьбе Нежданова большую роль играют наследственные качества. Нежданов — полупле-

---

¹ И мне было очень досадно, что у меня вырвали хлеб изо рта (*нем.*).

бей, полуаристократ. От дворянина-отца ему достались в наследство эстетизм, художественная созерцательность и слабохарактерность. От крестьянки-матери, напротив, — плебейская кровь, несовместимая с эстетизмом и слабодушием. В натуре Нежданова идет постоянная борьба этих противоположных наследственных стихий, между которыми не может быть примирения.

Но Тургенев придает этому дуализму в душе Нежданова иной, более радикальный поворот. Кирилин предпочитает умереть, удовлетворяя свою любовную страсть. А тургеневский Нежданов убивает себя не от любви к Марианне, не от мешающей его радикализму художественной одаренности, а от невозможности реализовать на практике свой политический идеал.

Список литературы
Источники

Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1960. 298 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

И. С. Тургенев. Из неизданной переписки с Б. М. Маркевичем и А. П. Философовой // Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.; Л.: ACADEMIA, 1935. Вып. 5. С. 282–303.

Катков М. Н. Отзывы и заметки. Польский вопрос // Русский вестник. 1863. № 3. С. 469–506.

Маркевич Б. М. <Лесницкий Б.> Типы прошлого // Русский вестник. 1867. № 8–12.

Маркевич Б. М. Марина из Алого Рога // Русский вестник. 1873. № 3. С. 200–274.

Маркевич Б. М. Перелом // Русский вестник. 1884. № 5.

Письма Б. М. Маркевича к графу А. К. Толстому, П. К. Щербальскому и др. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1888. 370 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978–2018.

Исследования

Андреева В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: КГУ, 2016. 492 с.

Гайнцева Э. Г. И. С. Тургенев и «молодая плеяда» писателей «Русского вестника» 1870 – начала 1880-х годов // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л.: Наука, 1990. С. 122–150

Головин К. Ф. Русский роман и русское общество. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1897. 472 с.

Неведенский С. Катков и его время. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1888. 570 с.

Никё Мишель. Из неизданных писем А. К. Толстого к Б. М. Маркевичу // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18. № 1 (2). С. 223–226.

Фёдоров А. В. Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени. М.: Русское слово, 2017. 752 с.

References

Andreeva, V. G. *O natsional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka* [On the National Identity of the Russian Novel of the Second Half of the 19th Century]. Kostroma, KGU Publ., 2016. 492 p. (In Russ.)

Gaintseva, E. G. "I. S. Turgenev i 'molodaia pleiada' pisatelei 'Russkogo vestnika' 1870 – nachala 1880-kh godov" ["I. S. Turgenev and the 'young constellation' of Writers of the 'Russian Bulletin' of 1870 – early 1880s"]. *I. S. Turgenev. Voprosy biografii i tvorchestva* [I. S. Turgenev. Issues of Biography and Creativity]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 122–150. (In Russ.)

Golovin, K. F. *Russkii roman i russkoe obshchestvo* [Russian Novel and Russian Society]. St. Petersburg, Izdanie A. F. Marksa Publ., 1897. 472 p. (In Russ.)

Nevedenskii, S. *Katkov i ego vremia* [Katkov and His Time]. St. Petersburg, Tipografia A. S. Suvorina Publ., 1888. 570 p. (In Russ.)

Nike, Mishel'. "Iz neizdannykh pisem A. K. Tolstogo k B. M. Markevichu" ["From Unpublished Letters of A. K. Tolstoy to B. M. Markevich"]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*, vol. 18, no. 1 (2), 2016, pp. 223–226. (In Russ.)

Fedorov, A. V. *Aleksei Konstantinovich Tolstoi i russkaia literatura ego vremeni* [Alexey Konstantinovich Tolstoy and Russian Literature of His Time]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2017. 752 p. (In Russ.)